

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'373.213

Беленов Николай Валерьевич

Самарский государственный социально-педагогический университет,
Россия, 443099, Самара, ул. М. Горького, 65/67
belenov82@gmail.com

Географическая лексика коноваловского говора эрзя-мордовского языка

Для цитирования: Беленов Н. В. Географическая лексика коноваловского говора эрзя-мордовского языка. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература.* 2021, 18 (3): 498–511. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.305>

В статье вводится в научный оборот и анализируется географическая лексика эрзя-мордовского говора села Коноваловка Борского района Самарской области. Содержание данного лексического кластера коноваловского говора сравнивается с лексемами соответствующих кластеров других мордовских говоров Самарской области, а также иных территорий, входящих в ареал расселения носителей мордовских языков. Анализ проводится с учетом истории носителей данного говора эрзя-мордовского языка, природно-географических условий их проживания, этноязыкового окружения. Проведенное исследование позволило выявить ряд общих изоглосс географической терминологии коноваловского говора с соответствующей терминологией других мордовских говоров региона, преимущественно относящихся к селам, основанным до начала XVIII в. Состав географической лексики коноваловского говора эрзя-мордовского языка в целом типичен для эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья, в нем сохраняются эрзя-мордовские термины для обозначения лесов, оврагов, гор, полей, встречающиеся также в подавляющем большинстве эрзянских говоров — как в Самарском Поволжье, так и за его пределами. Наибольшая вариативность (традиционно для мордовских говоров региона) наблюдается в терминологии, относящейся к обозначению рек, прудов и озер. Доля заимствованной лексики в рассматриваемом лексическом кластере коноваловского говора невелика и в основном представлена заимствованиями из русского языка. Ряд географических терминов, характерных для коноваловского говора, уникален для мордовских говоров Самарского Поволжья и нигде более на территории региона не встречается ни в одном из значений. Работа выполнена на основе материалов, полученных автором в результате полевых исследований 2015–2019 гг.

Ключевые слова: географическая лексика, эрзя-мордовский язык, мордва, Самарское Поволжье, Коноваловка.

Основные понятия

Место географической терминологии в системе топонимной лексики

Целью настоящей статьи является введение в научный оборот и сравнительно-сопоставительный анализ географической лексики коноваловского говора эрзя-мордовского языка, распространенного среди жителей села Коноваловка Борского района Самарской области.

Географическая лексика является важнейшей составляющей топонимной лексики любого языкового таксона (языка, диалекта, говора). В состав топонимной лексики мы, вслед за Г. М. Кертом [Керт 2009], включаем ряд лексических кластеров, которые, с разной частотностью, находят отражение в географических названиях, происходящих из данного говора и бытующих в нем: фаунистическая лексика, флористическая лексика, сравнительно-сопоставительная лексика (указывающая на сравнительные характеристики объектов), сельскохозяйственная терминология, колоративная лексика и т. д. При этом надо отметить, что в составе топонимов географические термины встречаются на порядок чаще единиц иных лексических кластеров топонимной лексики, что ставит изучение географической лексики одной из первостепенных задач топонимических исследований.

Географическая лексика и топонимическое пространство

В то же время географическая лексика того или иного говора является неотъемлемой частью топонимического пространства, формируемого носителями данного говора. Под топонимическим пространством того или иного говора мы понимаем совокупность топонимической номенклатуры, всего комплекса топонимной лексики, корпус топонимических фольклорных сюжетов и топонимической картины мира, бытующих у носителей данного говора. Основные положения топонимической картины мира, в том числе на региональном уровне, сформулированы в работах А. С. Щербак [Щербак 2008] и Е. Ф. Ковлакас [Ковлакас 2009].

Вопросы формирования топонимных моделей на основе различных лексических кластеров, в том числе географической лексики, анализируются в работах сотрудников сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН [Захарова и др. 2018].

Таким образом, географическая лексика, с одной стороны, является важнейшей составляющей топонимной лексики, с другой стороны — она же отражает ряд культурно-мировоззренческих аспектов ее носителей, формирующих их топонимическую картину мира. Кроме того, состав данного лексического кластера, семантическая эволюция и языковая принадлежность его отдельных единиц отражают различные аспекты этноязыковой истории его носителей [Беленов 2019].

Историческая и этноязыковая характеристика носителей коноваловского говора

Современное состояние

Село Коноваловка в настоящее время является единственным населенным пунктом Борского района Самарской области со значительной долей эрзя-мордов-

ского населения (не считая поселки-спутники Коноваловки — Захаровку и Немчанку, а также одноименный железнодорожный разъезд).

Мордовское население села неоднородно: оно формировалось в несколько этапов, древнейший из которых в настоящее время ареально отследить крайне затруднительно; в дальнейшем прослеживаются переселения мордвы-эрзи из сел Пролейка Кошкинского района Самарской области, Старой Шенталы Шенталинского района Самарской области, Старой Малыклы Ульяновской области, Кужо с территории Республики Мордовия. История русского населения Коноваловки начинается после основания Борской крепости в 1736 г. С середины XVIII в. русско-эрзянский состав населения стал для Коноваловки постоянным.

Особенности формирования мордовского населения Коноваловки

Директор местного дома культуры Т. Н. Степанова, опираясь на рассказы старожилов, считает, что село основано не позднее конца XVII в. Откуда пришли первые мордовские поселенцы в окрестности Бузулукского бора, неизвестно. Определить исходные места расселения первопоселенцев Коноваловки по диалектной принадлежности местного говора не представляется возможным в связи с многократными позднейшими миграциями в Коноваловку мордовского населения, различные группы которого являлись носителями разных мордовских диалектов: «А тут у нас на каждой улице даже разговор различается», — так характеризуют языковую ситуацию в своем селе информанты (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019).

Улицы зачастую носят названия сел, откуда прибыли в Коноваловку позднейшие переселенцы: Малыкла, Шентала, Пролейка. По-видимому, первые мордовские поселенцы данных мест были связаны с разбойниками, действовавшими на важном торговом пути, шедшем из Поволжья на Яик/Урал: данная ситуация типична для ранних мордовских сел восточной части Самарской и западной части Оренбургской областей. Эта связь подчеркивается и в ряде местных преданий, которые, однако, постулируя основание села в XVII в., в ряде сюжетов связывают его основание с событиями Пугачевского восстания, которое приходится на 70-е гг. XVIII в., являя собой распространенный в подобных фольклорных произведениях анахронизм.

Среди известных в окрестностях Коноваловки разбойников особо выделялась банда Захара, к имени которого здесь восходит несколько географических названий. Как можно полагать, исходя из общего контекста преданий, Захар действовал в тот период, когда существовало уже не только село Коноваловка, но и Борская крепость, год основания которой — 1736-й — документально подтвержден.

Предание об основании села Коноваловка

Как мы отмечали выше, официальных сведений о времени и обстоятельствах основания Коноваловки не сохранилось. В данной ситуации единственным источником информации об основании села являются местные исторические предания, наиболее распространенное из которых следующее. В XVII в. в окрестности Коноваловки переселилась мордва. Выбрали место для поселения на склоне одного из оврагов, вырыли землянки, стали жить. Однако очень скоро выяснилось, что

место для поселения было выбрано неудачно (практически обязательный мотив в преданиях об основании мордовских селений в Заволжье, по-видимому, отражающий реальную ситуацию, обусловленную рядом факторов: поспешность переселения, недостаточную осведомленность о новых землях, стремление переселенцев как можно дольше оставаться незамеченными как для заволжских кочевников, так и для царских властей). Вблизи поселения не было источников питьевой воды, а зимой его так заваливало снегом, что на расчистку территории уходило очень много времени и сил. И спустя несколько лет мордва решила искать в окрестностях более подходящее место для поселения. Два «старика» из числа переселенцев — Нуй-атя и Парь-атя, что в переводе на русский язык означает Старик-жнец и Старик-плотник, — отправились на поиски такого места. Оно было найдено ими достаточно быстро, неподалеку от расположения первоначального поселения; возможно, обнаружить выгодное место сразу помешали густые леса, произраставшие в то время на месте нынешней Коноваловки. Здесь протекала небольшая речка с чистой водой (впоследствии названная Коноваловкой), водилась рыба, а в прибрежных зарослях было много зверя. Оценив обстановку, Нуй-атя и Парь-атя возвратились к ожидавшим их односельчанам и сообщили радостную новость, после чего началось переселение мордвы на новое место. Так возникло мордовское поселение на месте нынешней Коноваловки (ПИМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019). Предание было рассказано на русском языке.

Интересно отметить, что подобное предание, иногда вплоть до буквальных повторений, бытует у мордвы села Алёшкино Федоровского района Башкирии [Марискин 2014: 30]. Эзяне данного села, в свою очередь, являются выходцами из села Алёшкино Бугульминского уезда, основание которого, по рассказам старожил, относится к первой половине XVII в. [Биушкин 1968]. Вопрос о связи данной группы мордвы с предками основателей Коноваловки пока остается открытым.

В 1736 г., после строительства Борской крепости, о поселении узнали русские — как гласит предание, через мордву, которая также была в составе гарнизона крепости. Тот факт, что мордва при основании Борской крепости составляла в ней второй по численности после русских народ, подтверждается документально [Национальный архив]. После этого один из казачьих сотников по имени Иван Леонтьев изъявил желание поселиться здесь — среди мордвы — со своими казаками, что и было ему позволено. Русское население Коноваловки полагает, что именно с этого момента село получает параллельное название — Ивановка — по имени этого сотника, которое фиксируется на географических картах в качестве параллельного названия Коноваловки вплоть до первой четверти XX в. [Карта Самарской губернии]. Эзянское население села считает, что это не так: по мнению наших информантов, параллельное название Ивановка закрепилось за селом ранее прибытия сюда казаков и происходит от имени одного местного «старика», который, по рассказам старожил, обладал огромным ростом и физической силой. Так или иначе, с середины XVIII века Коноваловка становится мордовско-русским селом.

Межнациональные отношения в Коноваловке в XVIII — начале XIX в.

После появления в Коноваловке русских, мордовское и русское население сильно враждовали, в ходе драк представители противоборствующих сторон

неоднократно получали тяжелые увечья. В конце концов в ходе одного из подобных конфликтов был убит русский крестьянин, выходец из Тамбовской губернии, по фамилии Объедков. У убитого осталось несколько малолетних детей. После этого трагического случая «старики» села собрались на совещание и решили, что вражде должен быть положен конец, а в честь этого решения ежегодно стали проводить праздник *Вастазь чи* (в переводе с эрзя-мордовского языка «День встречи», в современной концепции — мирной встречи жителей мордовской и русской частей села). Степанова отмечает, что в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка название праздника имеет форму *Ватази* или *Ватази чи*. Название *Вастазь чи* было официально закреплено за ним после совещания с представителями мордовской общественности из других сел, поскольку данная форма ближе к литературно-письменной эрзянской норме. Празднуют *Вастазь чи* в Коноваловке через неделю после Троицы, всем селом, в последние годы на праздник съезжается большое количество гостей. Одним из главных атрибутов праздника *Вастазь чи* является украшение домов и улиц села березовыми ветвями, к которым привязываются разноцветные ленточки, загадываются желания.

В течение XVIII–XIX вв. население Коноваловки пополнялось переселенцами из Тамбова, Малыклы, Шенталы, Пролейки, Съезжего, Богатого. В первой четверти XX в. численность населения превысила 6 тысяч человек, к этому времени относится шутивное название Коноваловки — *Второй Китай*. Ввиду нехватки места жители Коноваловки стали расселяться на свободные территории вблизи села — так возникли новые поселки-спутники Коноваловки: в 1926 г. Захаровка, а в 1928 г. — Немчанка, в которых и сейчас существенную долю населения составляет мордва.

Утраченные артефакты об основании села

За год основания села коноваловцы приняли 1626-й. В качестве аргументации этой даты информантами приводились следующие сведения. В 1970-х гг. при работах по рытью водоотводных каналов в центре села у пруда *Бралгинстрой* рабочими был найден гроб. В нем обнаружили человеческий скелет огромного роста, с ним какие-то истлевшие от времени вещи, а в гробу под скелетом — перстень с надписью: «1626 год. Конов...», — дальше неразборчиво. Артефакты рабочие отнесли председателю колхоза П. С. Бралгину, а тот решил показать их местной учительнице Т. И. Мокшиной. Та оставила находки у себя, пообещав передать их в Борский краеведческий музей. Несколько лет назад общественность села захотела ознакомиться с находками с целью официального подтверждения даты основания Коноваловки и направила соответствующий запрос в музей. Однако там ответили, что подобных находок к ним не поступало — во всяком случае, никаких записей об этом нет. Одной из причин подобной ситуации мог послужить бывший в Борском музее пожар: возможно, экспонаты, а также записи о них погибли при этом. Тем не менее на основании этих воспоминаний, подтвержденных несколькими старожилами, 1626 год признан годом основания Коноваловки (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019). Отметим, что даже в случае подтверждения факта существования подобных артефактов находка перстня с указанной датой на территории села сама по себе не может являться основанием приурочить возникновение Коноваловки к той же дате.

Характеристика коноваловского говора эрзя-мордовского языка

Исходя из особенностей формирования мордовского населения Коноваловки, уместно рассматривать коноваловский говор эрзя-мордовского языка как результат сложных этноязыковых процессов, происходивших как в среде мордовских первопоселенцев Коноваловки, диалектная принадлежность которых не установлена, так и в последующие годы — в результате притока в Коноваловку носителей различных эрзянских диалектов. По мнению Степановой, изначально мордва, основавшая Коноваловку, была разноязычной — в ее составе были как эрзяне, так и мокшане. Подтверждение этому она видит в еще недавно встречающихся в речи части коноваловской мордвы мокша-мордовских лексемах: *аяш* — ‘нет’, вместо эрзянского *арась*, *ваша* — ‘жеребенок’, вместо *ваз* — в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка, в литературно-письменном эрзя-мордовском языке *ваз* — ‘теленок’ и т. д. В настоящее время данные мокша-мордовские лексемы в речи коноваловской мордвы отсутствуют. Здесь надо также заметить, что наличие мокша-мордовских лексем в коноваловском говоре необязательно надо рассматривать как языковое наследие первопоселенцев: по крайней мере часть из них могла проникнуть в данный говор эрзя-мордовского языка позднее — с переселением в Коноваловку мокшан из сел Богатое и Съезжее Самарской области.

Исходя из вышеперечисленных факторов формирования мордовского населения Коноваловки, а также учитывая лексический состав данного говора, коноваловский говор эрзя-мордовского языка можно отнести к архаичным эрзя-мордовским говорам смешанного типа.

Говоря о возможном смешанном — эрзянско-мокшанском — составе мордовских первопоселенцев Коноваловки, стоит отметить, что данная тенденция является общей для мордовских сел Самарского Заволжья, основание которых относится к XVII в. Так, мокша-мордовские лексемы присутствуют в мордовкоселитьбинском говоре эрзя-мордовского языка (Мордовская Селитьба впервые упоминается как существующее село в 1699 г. [Тюганкова 2014]): существенное мокша-мордовское влияние фиксируется, по мнению В. И. Алексеевой, в новокармалинском говоре эрзя-мордовского языка (предки новокармалинской мордвы также появились в Заволжье в XVII в.) [Алексеева 2019]; М. Е. Евсевьев отмечал присутствие мокшан в мордовских селах Шенталинского района Самарской области, которые ныне являются полностью эрзянскими [Евсевьев 1914]. Основание Коноваловки, по преданиям, сохранившимся в среде старожилов, как мы указывали выше, также относится к XVII в.

Также в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка сохранился ряд лексических архаизмов, например: *юрт* — ‘родовое имение, погреб, котлован’, в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка имеющий значение ‘поселение в овраге’; *эле* — ‘подол, нижняя часть рукава’; *эльгекерькс* — ‘бусы’; *уредев* — ‘свидетель жениха’ и т. д. (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019).

Лексико-семантический анализ географической лексики коноваловского говора

В представленный ниже перечень географических терминов коноваловского говора эрзя-мордовского языка мы включили лишь те, которые являются топо-

генетичными. Таковых в данном говоре большинство. Также надо отметить, что представляющие наибольший интерес для исследования, не имеющие очевидных параллелей и относящиеся к лексическим архаизмам географические термины коноваловского говора являются топогенетичными, что позволило включить их в настоящий обзор в полном объеме.

Веле — ‘село’. Термин для обозначения села, деревни в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка. Данный термин (в различных фонетических вариациях) встречается во всех без исключения мордовских говорах Самарского Поволжья. Показательно отсутствие в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка терминов *куро* и *куринка*, имеющих широкое распространение среди заволжской мордвы, с богатой семантикой в каждом из говоров [Raasonen 1990]. Интересно, что в ряде эрзя-мордовских говоров, носители которых переселялись в Конаваловку в XVIII–XIX вв., например в старошенталинском говоре эрзя-мордовского языка, термин *куринка* присутствует и является топогенетичным (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019), однако, в коноваловском говоре он по каким-то причинам не закрепился. По-видимому, новые мордовские переселенцы, сохраняя ряд фонетических особенностей своих говоров, с течением времени унифицировали их лексический состав с лексикой коноваловского говора эрзя-мордовского языка.

Калмо ланго — ‘кладбище’. Данным устойчивым словосочетанием в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка обозначаются кладбища. В эрзя-мордовских говорах Самарского Заволжья в этом значении распространены два варианта подобных словосочетаний: аналогичный рассматриваемому *калмо ланго* и *калмазырь*, последний в коноваловском говоре неизвестен. Оба указанные варианта являются литературно-письменными в эрзянском языке. Перевод данного словосочетания на русский язык следующий: *калмо* — ‘могила’ + *ланго* — ‘на чем-либо’, ‘около’, ‘возле’.

Кальведь — ‘талая вода’. Данный термин имеет в коноваловском говоре значения ‘талая вода’, ‘вода с сосулек’. Формант *ведь* в составе рассматриваемого термина имеет значение ‘вода’, наибольший интерес представляет основа *каль*. Д. В. Цыганкиным отмечены топонимы, восходящие к подобным эрзянским терминам, на территории Республики Мордовия, где ученый возводит их к эрзя-мордовскому *каль* — ‘пойма’, ‘заосоченное место’ [Цыганкин 2005]. Представляет интерес в этой связи лимноним *Каль* на Самарской Луке, в топонимическом пространстве мокша-мордовского села Торное. При этом в мокша-мордовских говорах данный термин в указанных значениях не отмечен, не фиксируется он и в торновском говоре мокша-мордовского языка ни в одном из значений (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торное, 2018). Несмотря на то, что доля эрзянизмов в мокша-мордовских говорах Самарской Луки значительна, среди них нами также не отмечено ни идентичных, ни близких терминов с указанной семантикой [Беленов 2018].

Колка — ‘роща’. Термин, означающий в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка рощу или небольшой лес. Рассматриваемая географическая лексема имеет повсеместное распространение в мордовских, татарских и чувашских говорах Самарского Заволжья, отличаясь лишь фонетическими вариациями. Все они восходят к русскому термину *колок* — ‘островок леса в безлесной местности’. Тер-

мин *вирь* в значении ‘лес’ в коноваловском говоре также наличествует, однако не является в нем топогенетичным.

Кужо — ‘поляна’. В коноваловском говоре эрзя-мордовского языка данный термин употребляется в значении ‘поляна’. Значение ‘окраинная улица’, отмечаемое для ряда говоров мордвы Заволжья [Raasonen 1990], фиксировать здесь рискованно, поскольку улица *Кужо* в Коноваловке заселялась выходцами из села *Кужо* с территории Мордовии, вследствие чего, вероятно, и получила свое название. Надо отметить, что данный географический термин, справедливо причисляемый Цыганкиным к мордовской лексической архаике [Цыганкин 1976], встречается в говорах лишь тех мордовских сел Самарского Поволжья, которые были основаны до начала XVIII в.

Кунчка — ‘центр’. В коноваловском говоре эрзя-мордовского языка данным термином обозначается центр села. Как правило, встречается в словосочетании *кунчка веле* (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019). В большинстве как эрзя-мордовских, так и мокша-мордовских говоров Самарского Заволжья центр села обозначается устойчивым словосочетанием *кунчка куро*, которое зачастую в них не этимологизируется. В коноваловском говоре лексемы *куро* и *куринка* отсутствуют даже в деэтимологизированных устойчивых словосочетаниях.

Латко — ‘овраг’. Термин для обозначения оврагов в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка. Встречается во всех без исключения эрзя-мордовских говорах Самарского Заволжья, семантика термина от говора к говору также практически не различается. В некоторых говорах, в силу природно-географических условий проживания их носителей, термин *латко* приобрел дополнительные значения. В коноваловском говоре он употребляется только со значением ‘овраг’.

Лей — ‘ручей’. Термин, имеющий в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка несколько значений: ‘река’, ‘ручей’, ‘ключ, дающий начало ручью’ (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019). Интересно отметить, что данный термин в коноваловском говоре никогда не применяется по отношению к большим рекам — например, к Самаре. При этом его фиксация здесь является показательной в том смысле, что в говорах мордовских сел Самарского Поволжья, основанных до начала XVIII века термин *ляй/лей* практически всегда отсутствует. Так, он не встречается в торновском и шелехметском говорах мокша-мордовского языка, в мордовоселитьбинском говоре эрзя-мордовского языка. Вероятно, это связано с тем, что в XVII в. термин *ляй/лей* в мордовских языках в значении ‘река’ употреблялся как минимум не во всех диалектах. Если же говорить о достоверно известных значениях, то оно у термина *лей* для XVII в. лишь одно — ‘долина’, это значение зафиксировано Н. Витсенем в его «Списке мордовских слов» [Witsen 1692]. История данного термина в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка неясна, поскольку фиксировались позднейшие переселения в Коноваловку носителей эрзянских говоров, в которых термин *лей* уже бытовал в значении ‘река’, откуда он и мог проникнуть в географический лексикон данного говора. Вместе с тем, надо отметить, что в тех же говорах, вероятно, присутствовали и рассмотренные выше термины *куро* и *куринка*, которые в лексический состав коноваловского говора в итоге не вошли. Также показательно, на наш взгляд, то, что данный термин не применяется в коноваловском говоре по отношению к крупным рекам и имеет столь вариативную семантику. Все это свидетельствует о том, что, если слово

лей и присутствовало изначально в говоре мордовских переселенцев, основавших Коноваловку, предполагать на тот период для него в качестве основного значения 'река' сомнительно.

Лисьма — 'колодец'. Термин для обозначения колодцев в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка, совпадает с соответствующим термином литературно-письменного эрзя-мордовского языка и встречается в данном значении в абсолютном большинстве эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья.

Лисьма пря — 'родник'. Термин для обозначения родников в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка, совпадает с термином литературно-письменного эрзя-мордовского языка и встречается в абсолютном большинстве эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья. Буквальный перевод на русский язык данного устойчивого словосочетания: *лисьма* — 'колодец' + *пря* — 'голова, начало, исток, верховье' = *исток колодца*. Возможно, изначальная семантика подобного устойчивого словосочетания сохранилась в ряде эрзя-мордовских говоров Шенталинского района Самарской области, где оно означает не родник вообще, а родник, берущий начало на возвышенности (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старая Шентала, 2019).

Нарысь — 'трава'. Один из терминов для обозначения травы, травянистых участков в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка. В отличие от термина *тикше*, имеющего в данном говоре значение 'трава для косьбы', термин *нарысь*, по свидетельствам информантов, означает: 'трава вдоль речки', 'шелковистая травка', 'трава, на которой можно прилечь отдохнуть' (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019). *Нар* в литературно-письменном эрзя-мордовском языке означает 'луг; трава', финаль *-сь* данного термина в коноваловском говоре, по видимому, является общемордовским аффиксом определенности.

Пакся — 'поле'. Лексема, бытующая в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка в значении 'поле'. Подобные лексемы с указанным значением зафиксированы нами во всех без исключения мордовских говорах Самарского Поволжья, с фонетическими вариациями *пакся/паксе*, во всех эрзя-мордовских говорах региона — *пакся*.

Пандалу — 'пруд'. Термин для обозначения прудов в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019). Наличие указанного термина в данном говоре представляет особенный интерес, учитывая, что в окрестностях Коноваловки значительных возвышенностей нет (в переводе с эрзя-мордовского языка *пандалу* означает 'подгорье'). Интересно отметить, что данная лексема имеется в мордовоселитьбинском и новокармалинском говорах эрзя-мордовского языка, в которых фиксируется существенное мокша-мордовское влияние и которые принадлежат селам, основанным до начала XVIII в. Также показательно, что лексема *пандалу* применительно к озерам вообще бытует также в шелехметском говоре мокша-мордовского языка, влияние на который эрзя-мордовского языка, по нашим оценкам, из всех мокша-мордовских говоров Самарской Луки наиболее существенно [Беленов 2018]. Исходя из наблюдений над географической лексикой мордовских говоров Самарского Поволжья, можно констатировать, что термин *пандалу* фиксируется в наиболее архаичных из них — при этом таких, в лексике которых отмечено влияние мокшанского языка на эрзянский либо эрзянского на мокшанский.

Пандо пря — ‘гора’. Устойчивое словосочетание для обозначения гор в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка. Буквальный перевод на русский язык означает ‘гора-голова’, то есть ‘горная вершина’. Также термин *пря* — ‘голова’ — в мордовской топонимической номенклатуре зачастую употребляется в значении ‘начало чего-либо’, ‘верховье’, что имеет достаточно широкий круг аналогий в топонимической номенклатуре различных языков, например в тюркских. В эрзя-мордовских говорах Самарского Заволжья, как правило, горы обозначаются либо термином *пандо*, и тогда словосочетание *пандо пря* бытует в них только в узком значении ‘горная вершина’, либо собственно *пандо пря*, и тогда данным устойчивым словосочетанием обозначаются как гора, так и ее вершина. В коноваловском говоре эрзя-мордовского языка имеет место второй вариант.

Пе — ‘конец’. Термин, имеющий в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка значения ‘конец, улица’, кроме того, аналогичным образом обозначаются и части (районы) села. Данный термин употребляется, в основном, применительно к тем частям улиц, для которых в прошлом была характерна архаичная гнездовая застройка, являвшаяся основным типом застройки в мордовских селениях до начала XX в. Для улиц, изначально формировавшихся как улицы в классическом понимании, в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка используется адаптированное заимствование из русского языка — *улиця*.

Песа — ‘околица’. Термин, означающий в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка окраину села, околицу. В бытовом общении чаще употребляется русский термин *околица*. Данная географическая лексема является двусоставной: эрзя-мордовское *пе* — ‘конец, улица’ + аффикс местного падежа *са* (литературно-письменная эрзя-мордовская форма данного аффикса — *со/сэ*) = ‘в конце улицы’.

Плѣс — ‘глубокое место’. Глубокое место в озере, реке. Тот же термин в указанном значении фиксируется и в захаркинском говоре эрзя-мордовского языка, где, кроме того, *Плѣс* — имя собственное, так называется глубокое место на реке Сургут (ПМА, Самарская область, Сергиевский район, Захаркино, 2019). Данное заимствование из русского языка достаточно широко используется в ряде эрзя-мордовских говоров Самарского Поволжья, при этом являясь в них топогенетичным. В коноваловском говоре термин *плес* применяется преимущественно к донному рельефу озера Кабанного.

Тикше — ‘трава’. Один из терминов для обозначения травы в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка, наряду с термином *нар/нарьсь*. При объяснении отличий в значениях данных терминов информанты отмечали, что *тикше* — это ‘трава, которую косят’ (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019). Словосочетание *тикше-нар* при этом они считали возможным сопоставлять с русским *трава-мурава*, как и в ряде эрзя-мордовских говоров Шенталинского района Самарской области (ПМА, Самарская область, Шенталинский район, Старое Суркино, 2019).

Улиця — ‘улица’. В коноваловском говоре эрзя-мордовского языка отсутствуют термины *куро* и *куринка*, топогенетичные в годонимии, происходящей из большинства эрзя-мордовских говоров Самарского Поволжья. Вместо них в местной годонимии используются термины *пе* и *улиця*. При этом лексема *улиця* употребляется по отношению к улицам в современном понимании термина, а *пе* может означать как часть улицы, так и район села.

Чудикерькс — ‘затопленный талой водой овраг’. В коноваловском говоре эрзя-мордовского языка этим термином обозначаются овраги, наполняющиеся по весне талой водой. В литературно-письменном эрзя-мордовском языке термин *чудикерькс* означает ‘ручей’ и бытует наряду с вариацией того же термина *чудерькс*. Понятие ‘ручей’ при этом в коноваловском говоре обозначается термином *лей*, аналогично понятию ‘река’, а также понятию ‘ключ, дающий начало ручью’ (ПИМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019). Как представляется, значение термина в коноваловском говоре может быть более архаичным, чем фиксирующееся в литературно-письменном эрзя-мордовском языке. Так, данный термин состоит из двух самостоятельных лексем: *чуди* — ‘течет’ + *керькс* — архаичный финно-угорский термин со значением собирательности [Лыткин, Гуляев 1970] = ‘сбор течения’, что также можно перевести как ‘место сбора текущей воды’. Термин *керь/керькс* присутствовал в данном архаичном значении какое-то время и в мордовских языках, на что указывает ряд архаичных лексем в ранних памятниках мордовской письменности — например, термин *кевгерь* со значением ‘скала’ или, буквально, ‘скопление камней’, отмеченный А. П. Феокистовым [Феокистов 2008]. На это же значение термина в прошлом указывает и ряд мордовских ойконимов, например *Салазгерьге* — название мокша-мордовского села Торбеевского района Республики Мордовия. Таким образом, можно полагать, что в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка сохранилось архаичное значение термина *чудикерькс*, который в других эрзя-мордовских диалектах изменил семантику. Данный пример позволяет надеяться, что дальнейшее изучение лексического состава коноваловского говора эрзя-мордовского языка может дать науке и другие образцы живой мордовской лексической архаики.

Эрьке — ‘озеро’. Термин для обозначения озер в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка. Один из наиболее распространенных географических терминов в эрзя-мордовских говорах Самарского Заволжья, наряду с терминами *латко* и *пандо* (если включать сюда же и вариацию последнего термина *пандо пря*, что, по нашему мнению, уместно).

Юрт — ‘поселение в овраге’. Архаичный эрзя-мордовский географический термин, первичное значение которого в настоящее время сложно установить. В различных современных эрзянских диалектах он может иметь следующие значения: ‘родовое поместье’, ‘погреб, подпол’, ‘котлован’. В коноваловском говоре эрзя-мордовского языка данный термин сохраняется в значениях ‘поселение в овраге’, а также ‘место старого поселения’. Последнее может быть обусловлено тем, что место первого поселения, выбранное неудачно и через несколько лет покинутое коноваловской мордвой, сейчас называют в Коноваловке *Юртом*. Вероятно, таково было и его первое название, так как поселение мордвы было расположено в овраге, в низинном месте, что соответствует одному из значений рассматриваемого термина.

Заключение

Географическая лексика коноваловского говора эрзя-мордовского языка по ряду специфических признаков имеет черты, общие для архаичных мордовских говоров Самарского Поволжья. В эту группу мы включаем как эрзя-мордовские,

так и мокша-мордовские говоры, бытующие в селах региона, основание которых относится ко времени ранее начала XVIII в.

Одной из главных таких черт является наличие в географическом лексиконе говора термина *пандаду* (с вариацией *пандалкс*), применительно к озерам, рекам или прудам. В коноваловском говоре этим термином обозначаются пруды. Также надо отметить, что подобные термины в Самарском Поволжье встречаются в тех мордовских говорах, для носителей которых в прошлом с большой долей вероятности можно предполагать эрзянско-мокшанское двуязычие. В коноваловском говоре эрзя-мордовского языка, по свидетельствам информантов, еще до недавнего времени встречались мокшанизмы, в мордовоселитьбинском говоре эрзя-мордовского языка значительное число мокшанизмов сохраняется и в настоящее время, а мокша-мордовский говор села Шелехметь на Самарской Луке содержит существенное количество как лексических, так и семантических эрзянизмов.

В коноваловском говоре также присутствует ряд географических терминов, не имеющих идентичных соответствий в других мордовских говорах Самарского Поволжья: *кальведь* и *юрт*; кроме того, семантика ряда общемордовских географических лексем в данном говоре существенно отличается как от литературно-письменных форм, так и от семантики соответствующих терминов в других мордовских говорах региона.

Также обращает на себя внимание отсутствие в коноваловском говоре терминов *куро/куринка*, распространенных в подавляющем большинстве мордовских говоров Самарского Заволжья.

Большинство географических лексем коноваловского говора имеет параллели в литературно-письменном эрзя-мордовском языке.

Число иноязычных заимствований в данном лексическом кластере коноваловского говора невелико: это термин *колка*, заимствованный из русского языка в большинство мордовских, чувашских и татарских говоров Самарского Заволжья, а также *плес*, являющийся специфическим заимствованием из русского языка для ряда эрзянских говоров исследуемого региона.

Таким образом, географическая лексика коноваловского говора эрзя-мордовского языка при наличии отмеченных лексических архаизмов в целом типична для эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья.

Источники

- Евсевьев 1914 — Евсевьев М. Е. *Отчет о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка*. Казань, 1914. 17 л.
- Карта Самарской губернии — Карта уездов Самарской губернии издания губернского земства 1912 г. <http://raremaps.ru/vse/samarskaya-guberniya.htm><http://raremaps.ru/vse/samarskaya-guberniya.html> (дата обращения: 10.02.2020).
- Национальный архив — Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 1314. Оп. 2. Д. 3. 561 с.
- ПМА — полевые (экспедиционные) материалы автора.
- Лыткин, Гуляев 1970 — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. М.: Наука, 1970. 386 с.
- Paasonen 1990 — Paasonen H. *Mordwinische Wörterbuch*. Т. 1–3. Helsinki: Finnisch-Ugrische Gesellschaft, 1990–1995.
- Witsen 1692 — Witsen N. *Noord en oost Tartarye*. Deel 2. Amsterdam: [-], 1692. 600 s.

Литература

- Алексеева 2019 — Алексеева В. И. *Новая Кармала*. Самара: Слово, 2019. 552 с.
- Беленов 2018 — Беленов Н. В. *Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки*. Самара: Порто-принт, 2018. 200 с.
- Беленов 2019 — Беленов Н. В. Географическая топонимная лексика мокша-мордовского населения с. Старая Бинарадка Самарской области. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2019, 13 (4): 550–558.
- Биушкин 1968 — Биушкин М. С. Звуковая система федоровского диалекта эрзя-мордовского языка на территории Башкирской АССР. В кн.: *Очерки мордовских диалектов*. Т. V. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1968. С. 199–315.
- Захарова и др. 2018 — Захарова Е. В., Кузьмин Д. В., Муллонен И. И., Шибанова Н. Л. *Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте*. М.: ЯСК, 2018. 270 с.
- Керт 2009 — Керт Г. М. *Саамская топонимная лексика*. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. 179 с.
- Ковлакас 2009 — Ковлакас Е. Ф. *Особенности формирования топонимической картины мира: лексико-прагматический и этнокультурный аспекты*. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2009. 51 с.
- Марискин 2014 — Марискин О. И. Переселение мордовского народа в Башкирию в XVIII–XIX вв. *Гуманитарий*. 2014, (2): 24–32.
- Тюганкова 2014 — Тюганкова Е. В. *Социокультурная адаптация мордвы Самарского края: середина XIX — начало XXI вв.* Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саранск, 2014. 22 с.
- Феоктистов 2008 — Феоктистов А. П. *Очерки по истории формирования мордовских письменно-литературных языков*. Саранск: Мордовское книжное издательство, 2008. 392 с.
- Цыганкин 1976 — Цыганкин Д. В. Мордовская архаическая лексика в топонимии Мордовской АССР. В сб.: *Ономастика Поволжья*. Саранск, 1976. С. 54–59.
- Цыганкин 2005 — Цыганкин Д. В. *Память, запечатленная в слове: словарь географических названий Республики Мордовия*. Саранск: Красный Октябрь, 2005. 429 с.
- Щербак 2008 — Щербак А. С. *Когнитивные основы региональной ономастики*. Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2008. 46 с.

Статья поступила в редакцию 18 февраля 2020 г.

Статья рекомендована в печать 14 мая 2021 г.

Nikolai V. Belenov

Samara State University of Social Sciences and Education
65/67, ul. M. Gor'kogo, Samara, 443099, Russia
belenov82@gmail.com

Geographical lexicon of the konovalovsky dialect of the Erzya-Mordovian language

For citation: Belenov N. V. Geographical lexicon of the konovalovsky dialect of the Erzya-Mordovian language. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (3): 498–511. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.305> (In Russian)

The article introduces into scientific circulation and analyzes the geographical lexicon of the Erzya-Mordovian dialect of the village of Konovalovka in the Borsky district of the Samara region. The content of this lexical cluster of the konovalovsky dialect is compared with the lexemes of the respective clusters of other Mordovian dialects of the Samara region and other territories. The analysis is carried out taking into account the Zavolzhsy period of the history of speakers of this dialect of the Erzya-Mordovian language, the natural and geographical conditions of their residence, and the ethno-linguistic environment. The study revealed a number of common isoglosses of the geographical terminology of the konovalovsky dialect with the

corresponding terminology of other Mordovian dialects of the region, primarily those that are related to villages founded before the beginning of the XVIII century. The composition of geographical vocabulary of konovalovsky dialect of the Erzya-Mordovian language, in general, is typical of Erzya-Mordovian dialects of the Samara Volga region — it retains Erzya-Mordovian terms for the designation of forests, ravines, mountains, fields, occurring also in the vast majority of Erzya dialects, as in the Samara Volga region and beyond. A number of geographical terms that exist in the konovalovsky dialect are unique for the Mordovian dialects of the Samara Volga region and are not found anywhere else in the region, in any of the meanings. The work is based on the author's materials obtained during field research in 2015–2019.

Keywords: geographical lexicon, Erzya-Mordovian language, Mordovians, Samara Volga region, Konovalovka.

References

- Алексеева 2019 — Alekseeva V. I. *New Karmala*. Samara, 2019. 552 p. (In Russian)
- Беленов 2018 — Belenov N. V. *Moksha-Mordovian toponymy of Samara Bend*. Samara: Porto-print Publ., 2018. 200 p. (In Russian)
- Беленов 2019 — Belenov N. V. Geographical toponymy lexicon of Moksha-Mordovian population of Staraya Binaradka of Samara region. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 2019, 13 (4): 550–559. (In Russian)
- Биушкин 1968 — Biushkin M. S. Phonetic system of fedorovsky dialect of Erzya-Mordovian language into Bashkir ASSR. In: *Ocherki mordovskikh dialektov*. T. V. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1968. P. 199–315. (In Russian)
- Захарова и др 2018 — Zaharova E. V., Kuz'min D. V., Mullonen I. I., Shibanova N. L. *Toponymic models of Karelia in the space-time context*. Moscow: IaSK Publ., 2018. 270 p.
- Керт 2009 — Kert G. M. *Toponymy lexicon of the Saami language*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN Publ., 2009. 179 p. (In Russian)
- Ковлакас 2009 — Kovlakas E. F. *Peculiarities of forming a toponymic picture of the world: lexical-pragmatic and ethno-cultural aspects*. Abstract of the thesis for PhD in Philological Sciences. Krasnodar, 2009. 51 p. (In Russian)
- Марискин 2014 — Mariskin O. I. Migration of the Mordovian people to Bashkiria in the 18–19th centuries. *Gumanitarii*. 2014, (2): 24–32. (In Russian)
- Тюганкова 2014 — Tiugankova E. V. *Socio-cultural adaptation of the Mordovian in the Samara region: mid-19th — early 21st centuries*. Abstract of the thesis for PhD in Historical Sciences. Saransk, 2014. 22 p. (In Russian)
- Феоктистов 2008 — Feoktistov A. P. *Essays on the history of the formation of Mordovian written-literary languages*. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2008. 392 p. (In Russian)
- Цыганкин 1976 — Tsygankin D. V. Mordovian archaic lexicon in toponymy of the Mordovian ASSR. In: *Onomastika Povolzh'ia*. Saransk, 1976. P. 54–59. (In Russian)
- Цыганкин 2005 — Tsygankin D. V. *Memory imprinted in the word: dictionary of geographical names of the Republic of Mordovia*. Saransk: Krasnyi Oktiabr' Publ., 2005. 429 p. (In Russian)
- Щербак 2008 — Shcherbak A. S. Abstract of the thesis for D. Sc. in Philological Sciences. Tambov, 2008. 46 p. (In Russian)

Received: February 18, 2020

Accepted: May 14, 2021